

УДК 7.07
ББК 85.103
DOI: 10.51678/2073-316X-2024-3-320-351

Ксения Гредасова

Письма Маревны М. А. Волошину (1915–1916)

Настоящая публикация посвящена письмам художницы М. Б. Воробьевой-Стебельской (Маревны) 1915–1916 годов ее другу поэту, переводчику и художнику М. А. Волошину. Целью исследования является реконструкция условий жизни и творчества Маревны в этот период. Данные письма являются документальным свидетельством эпохи, а также источником, проливающим свет на душевные и бытийные переживания художницы, позволяющим постичь особенности мировосприятия мастера, образных решений в ее искусстве этого периода. Письма приводятся без купюр, с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Статья сопровождается комментариями и ссылками на письма людей, входивших в круг общения художницы в 1910-е годы.

Ключевые слова:

Маревна, Волошин,
Эренбург, Савинков,
Парижская школа, Монпарнас,
русское зарубежье.

Десять писем художницы Марии Брониславовны Воробьевой-Стебельской, творческий псевдоним — Маревна (1892–1984), ее другу, поэту, переводчику и художнику Максимилиану Александровичу Волошину (1877–1932) хранятся в ИРЛИ РАН в Санкт-Петербурге (Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 364)¹. Они были написаны в 1915–1916 годах, то есть в первый период проживания художницы в Париже.

В рамках данной публикации кажется целесообразным обрисовать ситуацию, в которой находилась Маревна в момент написания писем, в предшествующие этому несколько лет, а также через некоторое время после их написания. В возрасте 18 лет, в 1910 году, художница переехала из Тифлиса, где провела свои юношеские годы, в Москву — обучаться в Строгановском училище. В 1911 году она отправилась в Италию, посетила Рим, затем Капри, где гостила у Максима Горького, придумавшего ее сказочный псевдоним². В 1912 году Маревна приехала

- 1 ИРЛИ РАН указывает, что в Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 364 хранятся одиннадцать писем Маревны Волошину. Однако в данной статье их число сокращено до десяти. Вероятно, число 11 связано с тем, что листы одного из писем были пронумерованы как 1, 21 и 22. Факт того, что они написаны на одинаковой бумаге голубого цвета с фигурными краями позволяет объединить их в одно письмо. Это предположение также косвенно подтверждается информацией, данной в «Летописи жизни и творчества М. А. Волошина»: «Маревна отправляет из Биаррица закр. [вероятно, опечатка, должно было быть «откр.» — «открытка»]: «не забудь слезть в Негрес» (для пересадки на Биарриц). В этот же день (?) она пишет письмо (б. д.) о первых впечатлениях от Биаррица (а также мысли о Рерихе и Врубеле)» [6, с. 375].
Шесть писем Маревны Волошину (а также одно Б. В. Савинкову: ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1) были опубликованы ранее специалистом по жизни и творчеству И. Г. Эренбурга Б. Я. Фрезинским в соавторстве с Д. И. Зубаревым [12]. Также статья содержала выдержки из воспоминаний художницы. Однако в ней были расшифровки не всех известных писем Маревны Волошину, опубликованные же тексты приводились с купюрами, в некоторых случаях большими и опускающимися, таким образом, мысли и переживания Маревны. В настоящей публикации курсивом выделены отрывки, не включенные в вышеуказанную статью. Также письма в ней редактировались в соответствии с правилами орфографии и пунктуации, что не позволило передать своеобразие письменного языка художницы.
- 2 Маревна была помолвлена с приемным сыном Горького Ю. А. Желябужским, свадьба не состоялась, однако в последующем Юрий регулярно оказывал художнице финансовую поддержку в сложные для нее годы [3, с. 93, 115, 119].

1. Маревна. Париж, 1912
Фотография из кн.:
[13, б. п.]

2. Максимилиан Волошин
Париж, 1900-е
Фотография из кн.: [4, б. п.]

в Париж³, во Франции ей предстояло прожить более тридцати лет⁴. Она начала заниматься в Русской академии, где ее учителем стал скульптор С. Ф. Булаковский, также она посещала академию И. Сулоаги и Ф. Коларосси. Художница обратилась к кубизму, начала выставляться, в частности, в 1913 году, в Салоне Независимых. В это время Маревна сблизилась с художниками, проживавшими и работавшими в «Улье»⁵, комплексе из мастерских, основанном французским скульптором и меценатом Альфредом Буше.

В 1914 году произошло событие, разделившее жизнь художницы на до и после: ее отец Бронислав Виккентьевич Стебельский, все время

3 Три первые недели Маревна жила у друзей Алексеевичей, затем сняла две комнаты на улице Мешен, недалеко от бульвара Санте. Подробнее см.: [3, с. 14; 16, pp. 118, 120].

4 В 1948 (1949) году Маревна переехала в Великобританию, где жила до конца жизни. 1948 год указан в каталоге ГТГ [7, с. 36], 1949-й — в каталоге галереи England&Co 1989 года, составявший который помогала Марика Ривера [14, р. 8].

5 В «Улей» художницу привел Булаковский [3, с. 28].

поддерживающий дочь за границей материально, покончил жизнь самоубийством. Художница вспоминала об этом потрясении:

Наутро я схватила голубой бланк — это была телеграмма от моего дяди, она сообщала о смерти отца. Сначала я не могла в это поверить. Отец не мог так поступить со мной — умереть внезапно, оставив меня без прощального слова, совсем одну в дебрях жизни. Мне пришлось много раз перечитывать равнодушные слова, пока я осознала их смысл. Это не чей-то розыгрыш; мой отец умер. Вдалеке, в такой безысходности и тоске, что у него не было сил продержаться до нашей встречи. Что произошло? Что стало причиной или поводом такого конца? <...> Пришла еще одна телеграмма, с советом не приезжать на похороны. Что мне было делать? <...> Вслед за телеграммами пришло письмо. Странное, оскорбительное письмо, в котором утверждалось, что отец покончил с собой, потому что я — бессовестная и бессердечная. <...> В течение нескольких дней я так плакала, что глаза перестали видеть, от рыданий у меня пропал голос... Я забыла обо всем. Я забросила все. Мне все стало безразлично [3, с. 55–56].

Приблизительно в это время⁶ художник-копиист Мицкевич, которому Маревна обещала сделать копию картины «Олень и олениха в лесу» Г. Курбе 1866 года (Париж, Лувр), не получив работу в срок, избил ее. Друзья Маревны отомстили ему⁷. «Вскоре после этих событий я слегла. Причина была не в физическом состоянии, а в душевном»⁸.

Без поддержки отца финансовое положение Маревны стало бедственным. Художница не могла вступить в наследство, это было связано с тем, что она не была официально удочерена. Ее отец, поляк католического вероисповедания, по законам Российской империи не мог удочерить будущую художницу, крещеную в детстве как православную. По воспоминаниям Маревны, отец предлагал ей принять

6 Маревна при описании этих событий не указала точных дат [3, с. 52].

7 Об этой картине Маревна вспоминала: «Вернувшись в конце 1914 года из Италии, я едва узнавала опустевший и притихший город. Для меня наступили трудные времена. Материальной поддержки отца уже не было. Более того, Лувр был закрыт, и я не могла закончить свою копию с Курбе (в итоге она исчезла, что с ней произошло, никто не знает) [3, с. 70].

8 Маревна не указала точных дат [3, с. 58].

католичество, однако она, стремясь доказать ему свою безусловную любовь, отказалась [15, р. 60].

Ценности, оставшиеся после отца, достались тем из семьи, кто, в отличие от меня, был рядом. Из суммы страховых выплат, разделенной между всеми родственниками, мне досталось менее сотни франков в месяц в течение одного года. От нищеты меня спасли друзья, которые через два месяца после кончины отца устроили благотворительный бал в мою пользу [3, с. 59].

Личная трагедия художницы проходила на фоне общественной трагедии — Первой мировой войны. Условия жизни в Париже ужесточались. «В холодные, короткие и часто голодные зимние дни мы все околачивались в “Ротонде”⁹. Что было еще делать? Куда идти?» [3, с. 70]. Несомненной удачей стало то, что художнице удалось занять денег у владельца «Ротонды» Виктора «папаши» Либиона на аренду студии на улице Асселин [3, с. 70].

Примерно в 1915 году произошли знакомства художницы с коллекционером Леоном Замароном, комиссаром полиции, и Гюставом Каном, поэтом и критиком; покупка картин этими людьми очень помогала художнице. Также деньги Маревне посылал пасынок Максима Горького Ю. А. Желябужский [3, с. 93].

Текст писем Маревны в данной публикации сопровождается комментариями с использованием выдержек из писем¹⁰ и воспоминаний¹¹ современников о художнице и ссылок на них. Помимо писем М. А. Волошина это также письма Ильи Эренбурга, проведшего годы перед революцией (с 1908-го по 1917-й) на Монпарнасе и занимавшегося там собственным творчеством и переводами, а во время Первой мировой войны журналистикой; Бориса Савинкова — революционера,

9 Знаменитое парижское кафе на Монпарнасе.

10 Письма М. А. Волошина хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (в том числе письма ему Цетлиных — Ф. 562), И. Г. Эренбурга — в РГАЛИ (Ф. 1204). Подлинники некоторых их писем Б. В. Савинкову хранятся в ГАРФ (Ф. 5831. Оп. 1). К настоящему исследованию имеют отношение следующие публикации эпистолярного наследия Волошина и Эренбурга: [2; 11; 12]. Указанные издания и публикация также содержат письма Б. В. Савинкова и М. С. Цетлиной. Для изучения указанного периода большим подспорьем для исследователя служат и изданные хроники жизни и творчества М. А. Волошина и И. Г. Эренбурга [6; 8].

11 Записные книжки Волошина [1] и мемуары Эренбурга [11].

одного из лидеров партии эсеров и ее Боевой организации, писателя, бежавшего после ареста из Севастополя и остававшегося с 1912 года и до революции во Франции, где он издавал свои произведения, а также печатал статьи; Марии Цетлиной (Тумаркиной), супруги Михаила Цетлина. Цетлины были чаепромышленниками и меценатами, эмигрантами из Российской империи, они жили во Франции до начала Второй мировой войны, разделяли идеи эсеров и имели свой салон в Париже. Также в комментарии помещены ссылки на воспоминания Маревны из ее автобиографий «Жизнь в двух мирах» 1962 года [15]¹² (отрывочно переведена на русский язык¹³) и «Моя жизнь с художниками Улья» 1972 года (переведена на русский язык в 2004-м [3]).

Когда Маревна впервые встретилась с Волошиным, точно неизвестно. Волошин вспоминал в дневнике более 10 лет спустя (в 1932 году), что познакомил их Илья Эренбург в Париже, «в странном военном вертепе — мастерской русской художницы NN». Любопытна та краткая характеристика, которую Волошин дал подруге в этой записи:

Маревна была когда-то принята, любима и обласкана в семье Горького на Капри. Она была родом с Кавказа. Росла у отчима¹⁴. У нее была трагическая история. Была душой «Ротонды». Туда она приходила в затруднительных обстоятельствах — и «Ротонда» ей помогала устраивать в ее пользу «голый бал», где все скандинавы плясали обнаженные в ее честь. И выручали ее [1, с. 434]¹⁵.

12 Перевод этой книги на французский, содержащий небольшие изменения, вышел при жизни художницы [13].

13 Самый большой переведенный отрывок из этой книги был опубликован в издании, посвященном свидетельствам современников о М. А. Волошине [4].

14 До конца дней Маревна не знала, был ли Б. В. Стебельский ее родным отцом. Как она писала в письме И. Г. Эренбургу в 1962 году: «Стебельский — как — говорит сестра — мой приемный отец — и только. Но — Магика говорит что я очень похожа на него по карточк[е] — кому верить? и не все ли равно теперь?» [5, с. 22].

15 Дополнительные черты к портрету Маревны того времени можно найти и у И. Г. Эренбурга: «...художница Маревна (Воробьева-Стебельская), любила пестро одеваться, голос у нее был громкий, пронзительный» [11, с. 159]. В июне 1915 года Эренбург написал стихи «В кафе» («Я канонов твоих не нарушу...») с посвящением Маревне.

Маревна также оставила воспоминания о поэте:

Друг Эренбурга, его собрат по перу Макс Волошин тоже был моим хорошим другом. Он был невысокий, плотный, с гривой темных вьющихся волос; борода и усы делали его похожим на льва. Его небольшие серые глаза излучали ум, силу и чувство юмора... [3, с. 50–51].

Маревна и Волошин входили в общую компанию:

Постепенно определился небольшой круг друзей, который всегда можно было видеть вместе в различных кафе, а также у Пуаре на улице Фобур-Сент-Оноре, где устраивались выставки: Ривера, Ангелина (хотя она часто оставалась дома), Эренбург, Волошин, Борис Савинков (реже других), скульптор Поль Корне, Модильяни, Цадкин, Пикассо с женой и я. Позднее в нашей группе время от времени появлялись Кислинг, Леже, Аполлинер и колоритный Макс Жакоб [3, с. 80–81].

В 1914 году Маревна провела восемь месяцев в Италии, а именно — в Портофино [15, pp. 145, 147–148], а летом 1915 года Волошин и художница были вместе в Биаррице. Супруги Цетлины пригласили Волошина погостить у них на вилле, поэт попросил также дать приют Маревне. Интересно, что в эту поездку с Цетлиными Маревна так и не познакомилась¹⁶. Она отправилась в Биарриц 23 июня (6 июля) [6, с. 375], Волошин — 30 июня (13 июля) [6, с. 375]. Около трех недель художница и поэт прожили на вилле вдвоем, затем туда приехали еще гости [2, с. 401]. Совместное пребывание Волошина и Маревны не было безоблачным. По признанию художницы, друзья могли часами разговаривать [15, pp. 150–154], однако поэт писал через две недели после приезда Савинкову, что они преимущественно молчат, а Маревна стала раздраженной и подавленной [2, с. 397–398]. В это время с помощью Волошина художница получила деньги от «Мира искусства» [2, с. 373], на которые она поехала в Испанию на две недели, с 5 (18) августа

16 Судя по письму М. С. Цетлиной М. А. Волошину 27 сентября (10 октября) 1915 года, знакомство меценатов с Маревной произошло уже в Париже [2, с. 438]. Маревна писала, что к Цетлиным ее взял Волошин. Вероятно, она имела в виду первый раз, когда это произошло [15, с. 156]. Однако, судя по письмам самой Маревны, Савинкова [2, с. 437–438] и М. С. Цетлиной [2, с. 438], первая встреча состоялась без Волошина, он был в Биаррице.

[6, с. 377]. Затем она вновь вернулась на виллу, откуда, однако, вскоре уехала¹⁷. Сама художница объясняла это тем, что ее работа в Биаррице «совсем не двигалась» [15, с. 153].

Остается открытым вопрос, связывали ли Волошина и Маревну в ту пору романтические отношения. Судя по воспоминаниям художницы, в Биаррице их соединяли товарищеские отношения [15, с. 151], но она знала, что Волошин был в нее влюблен [15, с. 154]. В свою очередь поэт в письме М. С. Цейтлин отрицал любовную связь между ним и Маревной [2, с. 436].

Знакомство Маревны с Цетлиными состоялось уже по возвращении в Париж. Еще до посещения меценатов 6(19) сентября 1915 года Маревна писала Волошину: «Я так и не была у них. Но написала письмо сегодня утром. Вообще я терпеть не могу этих благодарственных обязанных визитов — ты знаешь. И каждое письмо напоминаешь мне об этом. Тяжело» [письмо 7]. Затем 10 (23) сентября 1915 года она сообщила: «...вчера вечером даже была с Б[орисом] В[икторовичем] у Цейтлиных: Ничего. <...> Кажется я была не очень почтительна. Прости» [письмо 8]. Известно, что смешанные чувства к Цетлиным испытывала не только Маревна, но и ее друзья Эренбург¹⁸ и Савинков¹⁹.

В 1932 году Волошин описал в своей записной книжке случай в гостях у Цетлиных, характеризующий наивность Маревны в те годы:

...у меня сложилась пародия на Эренбурга «Серенький денек»²⁰ <...> Стихи были встречены хохотом. Одна Маревна была в серьезном восторге и сказала: «Как хорошо, Макс, что ты начал писать, наконец, тоже серьезные, настоящие стихи. Очень хорошо [1, с. 444].

17 До 23 августа (5 сентября), судя по письму Волошина Савинкову под этой датой [2, с. 421].

18 Так, 29 июля (11 августа) 1915 года Эренбург написал Волошину в Биарриц на виллу Цетлиных: «Теперь, верно, приедут хозяева и также подгадят слегка Вам жизнь». Еще одно подтверждение — слова из письма Эренбурга Савинкову около 2(15) декабря 1915 года из Парижа в Ниццу: «Взрослые, скучные, играют в бирюльки» [11, с. 71].

19 6(19) июля 1915 года Эренбург написал Волошину: «Борис Викторович еще до Вашего письма анекдотически предчувствовал Ваше пребывание в прекрасной вилле. В особенности смаковал встречу Маревны с г-жой Цейтлин. Жаль, если она не состоится» [11, с. 53–54]. 16(29) сентября 1915 года Савинков писал Волошину: «М[ария] Б[рониславовна] была со мной у Цетлинов. Молчала и очень скромно опускала глаза. [...] Было безмерно скучно [2, с. 437–438]. Также характерны воспоминания Маревны: «...Савинков сказал, что сыт по горло "смехотворным салоном гонящейся за знаменитостями мадам Ц., которая решила любой ценой играть мецената"». Хотя Маревна и добавила после: «...это была не более чем поза» [4, с. 327–328].

20 Стихотворение от 27 ноября (10 декабря) 1915 года.

Волошин вернулся в Париж из Биаррица около 24 октября (6 ноября) 1915 года [2, с. 455]. Приблизительно в феврале 1915-го он познакомился с Пикассо²¹. Общалась с художником и Маревна. Безусловно, на ранний кубистический период ее творчества это оказало большое влияние²².

Поддержка друзей и общение с ними помогало художнице переживать житейские невзгоды, такие как случай, описанный ею в мемуарах, когда у нее после падения отекло лицо и заплыли глаза. Тогда ее спасла подруга Жанна Леже (Лои), супруга художника Фернана Леже, а Максимилиан Александрович пришел ее навестить. «Я услышала, как Волошин прошептал Жанне, что он вновь придет на следующий день, чтобы принести ей немного денег, компенсировав то, что я ей стоила. Я могу сказать, что мне невероятно повезло иметь таких хороших друзей» [15, р. 172]. Возможно, об этом случае Эренбург написал Савинкову в конце декабря 1915 года (начале января 1916-го): «Маревна пила четыре дня подряд и ходит с подбитым глазом. <...> Посылаю Вам рисунок Маревны от ее имени. Она не способна пойти на почту» [11, с. 75].

Судя по письмам, друзьям Маревны было непросто с ней в это время. Так, после 27 ноября (10 декабря) 1915 года Эренбург писал Савинкову: «Маревна зла как черт» [11, с. 70]. Однако они продолжали ей помогать: «Она что-то прихварывает. Эренбург лечил ее ромом и натопленной печкой. Помогло», — писал Волошин Савинкову 16(29) ноября 1915 года [11, с. 458–459]. Эренбург и Волошин даже планировали отъезд подруги в Россию в конце 1915 года [6, с. 386; 11, с. 74], однако он не состоялся.

Безусловно, знаковым событием в жизни Маревны стало знакомство с Диего Риверой²³. Их сложные отношения, начавшиеся с дружбы и перешедшие в роман, несомненно повлияли на художницу и ее творчество. Маревна вспоминала, что еще до начала романа с художником у нее «появилась привычка посещать мастерскую Риверы на улице дю

21 В. П. Купченко предположил, что Пикассо и Волошин познакомились в феврале 1915 года в мастерской М. И. Васильевой [2, с. 356].

Известно письмо Д. Риверы М. Волошину от 21 июня 1915 года, где он писал: «Я видел только что Пикассо и сказал ему, что Вы хотите посетить его ателье с м-ль Маревной, Бакстом и князем Аргутинским» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 1423).

22 Маревна вспоминала совместный поход к Пикассо с Волошиным, Эренбургом, его женой К. О. Шмидт и Савинковым [3, с. 82].

23 В книге «Моя жизнь с художниками Улья» Маревна не указывает год [3, с. 89]. В каталоге *England&Co* указано, что уже в 1913 году художница работала в ателье Риверы [14, р. 8].

Депар, привычка, которую разделяли со мной многие другие: Моды, Сутин, Пикассо, Кокто, Макс Жакоб, Аполлинер, Ларионов, Гончарова, Бланшар, Матисс, Хуан Грис, Лот, Фриез — лишь некоторые из приходивших туда. Мы собирались там поговорить о живописи, особенно о кубизме, конструктивизме и о Сезанне, к которому Ривера относился с обожанием. Утверждая, что кубизм имеет свое начало в учении этого великого французского художника, Ривера, ко всеобщему восхищению, изображал на доске схематическую структуру его композиций. Было время расцвета кубизма, и это было интересно всем... Я жадно вслушивалась в эти споры. Я также позировала Ривере и наблюдала, как он работает. Под его влиянием я научилась видеть природу и предметы в особом ракурсе, и моя любовь к искусству становилась глубже и осознаннее» [3, с. 80].

В воспоминаниях Маревны содержится необычный эпизод, связывающий ее, Волошина и Риверу: на вечере у Цетлиных они выпили напиток с каплями крови друг друга по индейскому ритуалу [3, с. 99].

Последнее из писем Маревны Волошину [письмо 10] написано, исходя из его содержания, когда Ривера и его жена Ангелина Белова приютили художницу у себя во время сильной болезни, а Волошин все еще был в Париже (Маревна написала «заезжай, как сможешь»). По воспоминаниям художницы, тогда она узнала, что Ривера в нее влюблен и съехала от пары [3, с. 97].

Маревна также вспоминала отъезд Волошина в Россию²⁴:

В это время Макс Волошин собирался поехать к матери в Крым и звал меня с собой. Пикассо настаивал, чтобы я оставалась в Париже, и они сделают из меня художницу, более значительную, чем Мари Лорансен. Ривера не говорил ничего, он просто смотрел на меня. Я отказалась от приглашения Волошина, и мы с Риверой проводили его.

— Я доверяю ее тебе, — торжественно заявил Волошин. — Мы братья по крови, которую вытили вместе. Она — наша сестра. Обещай защищать ее от зла. Ривера обещал [3, с. 101].

В книге «Жизнь в двух мирах» она также добавила: «...действительно ли он говорил, что думал?», а затем:

24 Отъезд состоялся 26 марта (8 апреля) 1916 года [6, с. 393]. М. А. Волошин после отъезда продолжал интересоваться судьбой Маревны [2, с. 634, 643].

Отъезд Волошина оставил большую брешь, теперь, когда его больше не было здесь, и Савинков тоже уехал, у нас все еще был один друг: Илья [15, р. 195].

Также, еще до начала романа с Риверой, с апреля/мая по середину (конец) июля 1916 года, Маревна гостила в Эз-сюр-Мер у Эренбурга. Для Маревны эта поездка была буквально спасительной:

Внезапно я снова заболела. Я не могла есть <...> Я была в отчаянии. И тут пришло письмо от Эренбургов, они настаивали, чтобы я немедленно села в поезд и ехала к ним в Эз... [3, с. 90; 15, pp. 175–178].

Эренбург пригласил Маревну, хотя и не был в восторге от этого, доказательство тому — ироничные строки в письме Волошину от 25 мая (7 июня) 1916 года: «Живу в Эзе и уезжать не собираюсь. Для мучительства мы выписали сюда сообщая Маревну. Она здесь уже больше месяца, очень понравилась. Рад за нея, но... впрочем, ты сам понимаешь и знаешь» [11, с. 79], а 23 июня (6 июля) 1916 года добавил: «Я пишу чушь в “Биржевку” — страдал от этого, от лютой жары и от Маревны (она совсем остервенела)» [11, с. 81].

В 1916 году Маревна оформила обложку книги Эренбурга «Стихи о канунах» (издана в Москве Товариществом скоропечати А. А. Левенсон). Важным упоминанием в письме Цетлиной Волошину от 13 (26) ноября 1916 года с точки зрения исследования творчества Маревны становится то, что, вероятно, именно в Эзе у художницы впервые появился мотив солдата и девушки.

Маревна показывала свои вещи. В Ницце она, очевидно, была под сильным впечатлением от поэзии и всего духа Эренбурга. Она нарисовала два полотна (солдат и женщина в кафе) — это поэзия Эренбурга в живописи. Не иллюстрация, а чувствуется, что она взяла в свою душу его настроение, его мироощущение, почувствовала Эренбурга в его самом главном, в его существе и красками его выразила [12, с. 187]²⁵.

Существуют схожие по композиции работы Маревны, в которых она изображала фигуры в противоборстве, также одна из фигур в военной форме становилась олицетворением смерти²⁶. Вскоре у Маревны и Риверы все же начался роман²⁷. Все осложнилось тем, что Белова родила сына

и тем, что он вскоре заболел и умер. Маревна жила в мастерской Риверы, а Белова — в квартире [3, с. 112], помещения находились по соседству [3, с. 119]. В отношениях Маревны и Риверы было место и насилию [3, с. 118], и ревности [3, с. 119]. По воспоминаниям художницы, против нее настроилась М. С. Цетлина²⁸ (после начала романа с Риверой Маревна больше не посещала Цетлиных) [3, с. 113]. Так, она приходила к заболевшему Ривере и уговаривала его жить в квартире, а не в мастерской [3, с. 115]. Цетлина предложила Маревне деньги, чтобы та съехала от Риверы, но, по словам художницы, она отказалась. Однако Ривера принял деньги и предложил Маревне снять комнату, что было воспринято художницей в штыки [3, с. 119]. Комната все же была снята на зиму, но весной Маревна вернулась в свою мастерскую на улице Асселин [3, с. 122].

Маревна ревновала Риверу к Цетлиной²⁹. Позволим себе сказать, что художница сохранила обиду на Цетлину надолго, в воспоминаниях 1972 года она писала, что Ривера как-то сказал ей: «Дитя, ты была очаровательной девочкой. Мне S. обычно смеялась над тобой и называла гимназисткой, но я считал тебя прелестной...» [3, с. 126].

- 25 В Музее русского искусства в Рамат-Гане, основанном на коллекции супругов Цетлиных, хранятся четыре работы Маревны: две на одном холсте — «Офицер и дама» (1915) и «Пейзаж» (вероятно, тоже 1915), «Кубистическая женщина» («Девушка под зонтиком», не датирована) и «Кавказский танец» (1915). (Ил. 3–6.) Ш. Шалит предположила, что картины были приобретены М. С. Цетлиной, а М. А. Волошин проинструктировал художницу, как подобает вести себя с меценаткой. Однако указание исследовательницы на то, что первая встреча Цетлиной и Маревны произошла в Биаррице, скорее всего, неверно [9, с. 116].
- 26 Например, в картине «Смерть и женщина» (1917, дерево, масло, Ассоциация друзей Пти-Пале).
- 27 Маревна указывает дату начала романа — 1915 год [3, с. 123]. Эренбург в 1960 году в своих мемуарах писал: «В 1917 году Ривера неожиданно увлекся Маревной, с которой был давно знаком. Характеры у них были сходные — вспыльчивые, ребячливые, чувствительные» [10, с. 200].
- 28 Что подтверждает письмо М. С. Цетлиной Волошину от 30 октября (12 ноября) 1916 года: «Но, несомненно, стало для людей, близких Маревне, что Маревна это не беспомощный чистый ребенок, а человек, уже живший на своем веку и кое-что в жизни понимающий, в физическом смысле слова. Я даже думаю, что она “понимает в жизни” больше, чем и я, и Ангелина Михайловна» [2, с. 560]. 13 (26) ноября 1916 года Цетлина писала Волошину о Маревне: «В своих картинах она мне нравится, но в жизни я чувствую ее себе чуждой, далекой и, наверное, никогда не смогла бы с ней сблизиться» [12, с. 187].
- 29 «Ревность мужская и женская! Я так же была виновата, как и он. Я ревновала к другим женщинам. Особенно к Mme S., которой Диего отдал гравюру, обещанную мне. По этому случаю, она воспользовалась каким-то предлогом и с бесстрастным видом задрала юбки так, чтобы Диего увидел ее белое бедро во всей красе. Я видела, как заблестели его глаза. Когда она ушла, мы поссорились, он, как обычно смеялся над моей ревностью. Такие сцены обычно заканчивались дракой, в которой он побеждал...» [3, с. 118–119].

3. Маревна. *Офицер и дама*. 1915
Холст, масло, уголь. 59 × 72
Музей русского искусства, Рамат-Ган

4. Маревна. *Кубистическая женщина*. Без даты
Холст, масло. 91 × 72
Музей русского искусства,
Рамат-Ган

Съехав от Риверы и вернувшись в свою мастерскую на улице Асселин, Маревна заболела. Тогда она написала письма Юрию Желябужскому и Волошину³⁰. «Макс написал, что, если я по-прежнему чувствую себя больной и несчастной, они с матерью ждут меня в Ялте, где светит солнце и есть все необходимое, чтобы восстановить здоровье и поднять настроение» [3, с. 122–123].

Тем не менее художница осталась в Париже, и ее непростые отношения с Риверой продолжились. В 1919 году родилась их дочь Марика, а в 1921-м художник покинул Францию. Безусловно, после окончания этого романа началась новая глава в жизни Маревны. Тем не менее память о нем, а также о своих друзьях М. А. Волошине, И. Г. Эренбурге, Б. В. Савинкове и о времени, проведенном вместе на Монпарнасе, Маревна пронесла через всю жизнь, доказательство тому — ее автобиографические книги, изданные уже в 1960–1970-е годы, когда художница жила в Великобритании.

30 Письмо не обнаружено.

ПИСЬМА МАРЕВНЫ М. А. ВОЛОШИНУ (1915–1916)

ИРЛИ РАН. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 364. Л. 1–22.

В публикации приводится только текст, написанный от руки Маревной. Дата, место отправления и назначения писем, если не указаны художницей, помещены в примечаниях.

В письмах 5–10, а также в письме Маревны Савинкову (примеч. 34) курсивом выделены фрагменты, не включенные в первую публикацию документов [12].

1

Mr Volochine 60, rue de la Tourne
Paris³¹

Со мной — случай [1 слово нрзб.] проехала Біариц, имей это в виду — нужно слезать в Негрес чтобы попасть в Біариц. Я этого не знала — и вот нужно ожидать на какой то [1 слово нрзб.] ст[анции] обратного поезда. Чорт! [Е]хала ужасно. На мое манто солдаты пролили красное вино! Коптили меня табаком — причом я то-же мстила [тем]-же. Черти. День пасмурный и прохладный — слава-богу. Голодна очень и вот в какой-то тракторіи сижу с клеёнками, фу-Господи, оказія какая, о [если бы] ты видал какой я трубочистой выгляжу —! Как приеду в Біариц напишу еще раз.

Голова так кружится что шатаюсь —

Но ехать утром не советую — не интересно [1 слово нрзб.] а вот только с утра пошло хорошо

Твоя М[аревна]

2

Mr M. Volochin
Rue de la Tourne
Paris³²

Дорогушкин Макс — наконец-то после стольких мытарств я — здесь «у себя»³³. Так хорошо здесь — так хорошо в смысле удобства — [конечно

31 Из Биаррица в Париж. Дата «8.7.15» (25 июня по старому стилю) хорошо видна на штемпеле. Она же дана в: [2, с. 375]. Расшифровка публикуется впервые. Rue de la Tour, 60 — квартира, в которой жили К. Д. Бальмонт и А. Н. Иванова. Волошин поселился по этому адресу 2 (15) января 1915 года [2, с. 278].

32 Из Биаррица в Париж. Дата «8.7.15» (25 июня по ст. стилю) хорошо видна на штемпеле. Она же дана в: [2, с. 375]. Расшифровка публикуется впервые.

5. Маревна. *Пейзаж*. 1915
Оборотная сторона картины
Офицер и дама
Холст, масло. 59 × 72
Музей русского искусства,
Рамат-Ган

6. Маревна. *Кавказский танец*. 1915
Бумага, уголь, акварель, гуашь. 61 × 97
Музей русского искусства, Рамат-Ган

что — страх]. Но Віаріца я еще не видела — ибо устала смертельно. Перед самым домом — пляж и огромно много воды. Волны такіе страсть. Чтобы идти купаться (не забудь — слышишь, привезти свой халат купальный) надо раздеться у себя — в комнате и пройти кухню и дворик на пляж. А там — поминай как звали.

Какая здесь бібліотека, и маленькіе щенята — я в восторге пока что — совсем как дома. Обедать мы будем внизу в очень простой до слез трогательной комнате — увидишь. Консьержка и прачка пока что приветливо улыбаются мне.

33 Вероятно, Маревна дословно перевела на русский язык французское выражение *chez toi*, что можно также перевести как «дома». Здесь Маревна имеет в виду комнату, которую ей отвели Цетлины.

С супругами Цетлиными Волошин познакомился в Париже в начале марта 1915 года. Еще 3(16) мая М. О. Цетлин пригласил Волошина погостить на его вилле в Биаррице; подумав, поэт согласился [2, с. 375]. Совместная поездка с Маревной стала возможной благодаря тому, что 9(22 июня) 1915 года Волошин написал трогательное письмо М. О. Цетлину с просьбой пригласить и художницу [2, с. 373–374]. На это письмо приглашением Маревны ответила М. С. Цетлина 12(25) июня [2, с. 375].

На это событие отозвался Эренбург в письме Волошину приблизительно 15(28) июня: «страшно рад за Маревну» [1, с. 53] и Савинков: «Кланяйтесь Марии Брониславовне...» [12, с. 162–163].

23 июня (6 июля) Волошин проводил Маревну в Биарриц [6, с. 375]. Поездка была непростой. 9 (22) июля Волошин в письме Савинкову писал о Маревне что в их отношениях наступила темная полоса [2, с. 397–398].

Я дала М^m Лиси цветы часть от Издебского³⁴ — и 10 f. Кажется попала в раз — а может нет? Кто знает же душу у прислуги.

Ну да Бог в помощь пока что. Только вот ноги так разболелись — ходить не могу — очень уж неудобно было этой ночью. С маленькой девочкой мы подружались к утру а ее папа всю ночь ухаживал — и за ней и за мной укрывал обоим голыя ноги и подбирал их с полу. Да — так что я даже полюбила к утру его. Ты знаешь Рерих — по моему только хороший колорист и постолько интересен поскольку в его работах

13 (26) июля Маревна также написала письмо Б. В. Савинкову, вероятно, в ответ на его письмо Волошину также от 13(26) июля, в котором он писал: «Хотел бы увидеть Вас и Марию Брониславовну...» [2, с. 401].

Письмо Маревны Б. В. Савинкову

ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 47.

26.7.15 (штетпель). Дата хорошо видна на штетпеле, текст письма приводится целиком. Впервые опубликовано с кутюрами в: [12, с. 163].

Biarritz rue des Vagues Villa des Mouettes

M. Vorobieff Stebelsky

10, rue Lalo (XVI)

Pour Mr Boris Savinkoff

Paris

Дорогой Борис Викторович,

как-то все время это соприкаса[юсь] с вами мысленно — ибо много здесь книг по революционной — ист[ории], где наряду с именами [слышанными от вас самих и от других] — встречаю ваше собственное имя — и как-то странно — мне кажется — это [что] совсем другой человек — Оно, конечно, так и должно быть. Сейчас вы в Париже совсем в другой обстановке — и вы другой. Я познакомилась близко с Азефом — и Макс много смеял[ся] над моим бешенством по поводу дел этого мерзавца (*извиняюс*). Есть омерзение жалкое и к [1 слово нрзб.]

Боже, имеют ли право эти люди родится и — жить?

Из письма — что мне прочол Макс, ничего не почувствовала иного — кроме того — что вы отдохнули около сына и жены — и колебание вошло в вашу душу.

Когда я стала что-то *бормотать* по этому поводу — Макс заметил — ну — конечно — есть над чем подумать (вам) и есть над чем колебаться. Конечно.

Была бы довольна — получить — несколько сухих-сжатых фраз от вас.

Что — Эренбург? — мне мнится — что он подавлен скукой — и тоскует — напишите малость — когда будете сидеть один перед старым — маром. Я редко — но попиваю здесь все — же — хотя с Максом — сами знаете — не интересно в этом случае. Зато наш охранник консьерж — составляет компанию.

Думаю — что вам не придется злорадствовать — при встрече моей с m-me Цейтлин.

Я скоро двигаюсь дальше. Надоело сидеть здесь — хочется цыганить. Ну *всего наилучшего*. Крепко жму вашу милую руку.

М.

16–18 (29–31) июля Волошин сообщил Савинкову, что «Маревна тоскует по дикой жизни и по safe» и что они собрались в Испанию [2, с. 401], но художница поехала одна.

34 Издебский Владимир Алексеевич — скульптор, художник, организатор салона современного искусства в Одессе, Киеве и Петербурге (1909–1910), эмигрировал из Российской империи в Европу в 1913 году, в 1940-м переехал в США.

сказывает увлечение Византией. Но у Врубеля это гораздо талантливее и сильнее. Там его не различишь — где он и где «она». И все его декорации куда в композиции интереснее. У Рериха — чтож — все почти гадость декораци[ии], за исключением [малаго]. А его картины — ей Богу — не годятся за исключением только тех где есть «Стиль». Не согласен? Приезжай скорее, а то я боюсь обабиться здесь.

Завтра если будет лучшая погода — пойду. На разведки. Всем привет а тебя целую.

— Твоя Маревна

Вообще я думал[а], что здесь не придется работать. А надо будет ездить за 3–4 станции или даже дальше — и там я кое-что увидела интересное.

Здесь — такое впечатление до мозга костей «курортное» что жалко этого большого пространства воды около противных скучных vill.

Но — может быть есть старая часть города — буду говорить с консьержкой еще расспрошу и завтра утром пойду бродить.

Adio mio caro³⁵

Не забудь слезать в «Негрес» и там сейчас же есть поезд в ville Biarritz. А то как я промуча[ешься]. И знаешь — ехать как я куда лучше. Меньше народу — не жарко — а днем ужас что творится и дорого. К концу только стало красиво и разнообразно. Восход великолепен прямо. Ей богу — езжай как я. А?

3³⁶

А Макс Volochin rue des Vagues Villa des las Mauettes³⁷.

France [s исправлено на c] Biarritz

Дорогой Макс. Что за роскошь эта жизнь, если — за душой ничего и никого. Свет широк дорог много — сегодня есть [пезеты]³⁸ — иду туда сюда — а — завтра — ну — завтра всегда другое и новое. Пасехас³⁹ — это все чудный залив с тремя селеньями — три св. Петра — Ивана и Х. Самый поэтичный — Иван — где жил Гюго. Фонтарабия⁴⁰ — прекрасна. Прямо великолепия открывается с «терассы Карла V»⁴¹. Это чудовищно старое здание — где я боялась ступать — а твоя комплекция врятли тебя выдержит — милый. Сейчас я сижу в [кафе] [Оспада] и блаженствую.

35 «Прощай, мой дорогой» (итал.).

Кругом такое смуглое тело — белья зубы — а в кармане у меня билет на воскресение. Я говорю по-испански — если хочешь. Это смесь французского плохого — и чистаго итальянского в неопределенном наклонении. Хоть хожу в черном и без мантио — но меня не оставляют в невинности. Черти проклятые. Ну — пока — привет сердечный тебе и Николаевым⁴² кланяюсь и шлю массу пожеланий.

Тебя целую. Потом напишу. А пока довольн[o]. Твоя Маревна

4

1–2 сентября⁴³

Дорогой мой (не в том противном смысле) Максик. Целую тебя столько, сколько нужно чтобы мы оба были добры друг к другу — так досадно, попрощались мы с тобой — ну да видно не велика твоя любовь ко мне, по правде сознаться — [ведь] мог бы и проводить меня хотя бы до Баены⁴⁴. Было бы здорово — тем более что теперь и куры у тебя денег [не] клюют⁴⁵. Я очень ругалась на вокзале вывернула ногу и таскала вещи сама. Сволочи! Но потом ехала, [ах] хорошо. Знаешь, Макс я люблю еще жить в лесу — совсем на природе. Это еще с детства и я бы променяла 2 лета Биарица — на жизнь в лесу в простом доме, с соснами, папоротниками. Эх как пахло — так [пряно] сыро, аж у меня в горле щекочет. Меня

36 Из Пасехеса в Биарриц. На почтовом штемпеле видна дата — «19 AG 15» (6 августа по ст. стилю) и место отправления — Пасехес.

5(18) августа, художница уехала из Биарица в Испанию [6, с. 377].

29 июля (11 августа) Эренбург написал Волошину: «Милый бивол, очень жалко стало мне Вас. Все, о чем пишете, легко себе представляю и Фокса с этой стороны знаю хорошо. Так неминуемо должно было приключиться. Обидно, право, что Вы не побывали там один и не писали стихов. Теперь, верно, приедут хозяева и также подгадят слегка Вам жизнь» [11, с. 55], а 10 (23) августа 1915 г.: «...вчера получил от Фокса очень радостную открытку из Испании. Рад за нее и за Вас» [11, с. 56]. Воспоминания о поездке в Испанию Маревна оставила в первой книге мемуаров [15, pp. 150–154].

37 Маревна имела в виду Villa Les Mouettes — вилла «Чайки».

38 Валюта в Испании с 1869 по 2002 год.

30 Видимо, Маревна имела в виду Пасехес.

40 Хондарибия, также Фуэнтеррабия — населенный пункт и муниципалитет в Испании.

41 Вероятно, Маревна была в замке Карла V.

42 А. В. и М. К. Николаевы — эсеры, знакомые Цетлиных, отдыхавшие в Биаррице.

43 Из Парижа в Биарриц 19 августа (1 сентября). Впервые опубликовано в: [12, с. 165]. Здесь и далее дата приводится в расшифровке, только если дата указана самой Маревной.

44 Байонна — город во Франции рядом с Биаррицем.

45 Возможно, имеется в виду перевод Волошину 15(28) августа 272 франков от петербургской газеты «Биржевые ведомости» [2, с. 378].

обуял восторг — все время как ехали лесом и было безразлично полные выгоны и шум. Ехала с солдата[ми] и испанцами. Мы здорово разговаривали о политике и я себе доказала — что все о чом ты и Н[иколаевы] разговаривали за обедом — при одновременном чтении Лермонт[ова] = осталось у меня где-то и теперь я их даже заставила спорить между собой. Интересно было слушать. Право. Ну а испанская кровь была побеждена мной совсем — именно побеждена а не взбудоражена. Я курила гавайскія папирсы — пила испанское кислое вино а ночью и к утру меня завертывали в плед подтыкивая его под меня, со всех сторон. Приятно! Но — я невинна как агнец в таких случаях — и все худое не находит себе [пищи]. Представь мою доверчивость — я притворяюсь спящей (очень интересно это) а испанец преподымает мне голову и спину — подкладывает тряпку — подсовывает под [мордучку] плед — а чуть от тряски освобождается мои голые носки ([чувствовала] по холоду) тот-час же накрывает их. Я даже помолилась за него, ей.

Ну, что еще — было смерть холодно — и даже утром. В Париже — перемена и переприбиривка персонажей!

И все, — кроме Цадкина — восторженнаго и краснаго — производят убійственное впечатленіе. Дилевски⁴⁶ смотрит в могилу — я еще не видела его улыбки. Говорит — тут был его брат раненый — и я думаю он нигуда не поедет по многим [причинам].

Но Издебский Макс — это роль перваго любовника, он стал завивать себе бороду в виде [арийскаго] оригинала. Чорт — его знает — этих людей. Холодно — Макс — здесь милый — вечером прямо зуб на зуб не попадает эти дни. И грустной осенью пахнет. Прощайте беззаботные дни. Здесь не то. Мое ателіе как оципаная курица.

По утрам я еще питаюсь тем хлебом — который довезла их Биаррица — и водой.

Да и вообще — видно голодовка в Париже для меня так же нормальна, как виши в траншеях.

Сегодня получила письмо из банка Италии по 25 августа — пишут — что почему то не могут выслать мне 200f. Это ответ на телеграмму — быть может однако после посл[еднего] моего письма они все же — сволочи вышлют 150f. А? мне трудно чорт подери и скучно тоскливо без тебя Макс мой [1 слово нрзб.] и милый. Но — что поделаешь. Люди не [балуют] видно.

46 Дилевский Владимир Владимирович — художник, фотограф, владелец столовой в Париже, эсер.

Совершенно не знаю за что приняться — так все неожиданно. В Стол[овой] Дилевскаго — вижу кредит закрыли для меня. Вчера я даже — [пила], так что... черт его знает что получилось с этим приездом сюда — сразу почувствовала — что не имею право жить — понимаешь это? Право так.

Ну, да где не пропадали. Но все таки — здесь можно было бы подохнуть среди этих людей этой атмосферы теперь. Жду с нетерпением Эренбурга... и тебя — Но это еще только во сне можно думать о твоём возвращении. Ты забыл дать мне address Цейтлина? [Name] — я не знаю даже улицы Николаева, [Rei] №13?

Еще одно несчастіе дома — моих рисунков продащица — уезжает на некоторое время.

Как все это глупо и скучно писать.

За дорогу я много о тебе думала и о моем к тебе отношен[ии]. Думала о том — что заставляло нас [1 слово нрзб.] — т. е. переливать из пустого в порожнее. Но — сейчас мне так хочется [есть] — что — мозги отказываются думать.

Поэтому запуская свои лапы в твои кудри и крепко целую всю мордучку. Твоя Маревна, пиши скорее — чорт.

[На полях:] пришли мне 2 марки по 10 копеек.

5

Париж 7 сентября⁴⁷

Дорогой мой и думаю единственный дружище. Много раз в день мне противен Париж и согласна была бы целый день есть рубленное мясо — но не быть сейчас здесь — да еще одной. Разве один Цадка [Цадкин] еще терпим — т. е. мы с ним товарищи — и это просто и хорошо. Но увы — если бы это было со всеми. Я много раз в день еще клянусь свой пол, зачем мне дано быть женщиной, этой невольной искусительниц[ей]. Скажешь неверно — [Еи] верно, Макс.

Ты только подумай, как было бы хорошо если всегда было просто и чисто между мужчиной и женщиной. Вообще — я не то пишу что хочу — но часто думаю, и особенно — утром обо всем — что здесь усложняет жизни больной.

47 Из Парижа в Биарриц 25 августа (7 сентября) 1915 года [6, с. 379]. Впервые опубликовано в: [12, с. 166–167].

[На полях:] недавно слыхала как хвалили твою статью, печ[атанную] в газете⁴⁸. Ужасно было приятно слышать. Говорили за другим столом. О чем эта статья я и не знаю — вишь ты какой! Напиши о чем!

Я очень скучаю по тебе — но что как то не то когда вот так просто пишу — поверь. Хочется думать, что и ты приближаешься иногда к моей душе — это отраднo. Все таки я тебе здорово мешала там, а? Ну за — то теперь ты можешь наслаждаться тишиной. Бедняжка — [болен] — смотри не хандри а то не долго посидишь там. Господи, хотя бы скорее ты приезжай. Париж большой и есть много для меня места но — у меня состояние будто тысяча отвратительных щупальцев приближаются ко мне, держат на стороне и вот вот вцепятся — обовьют присосутся и будет — боль большая. Я все время одна исключая вечеров.

К Цейтлиным пойду завтра сегодня понедельник, день поганый.

А не ходила до сих пор — ибо было такое настроеніе — буйное и злобное — что ой — трудно себя здесь здержать подчас. Хвала Дилевскому припрятал денег для моего прокормленія на 1 ½ месяца — по одному разу в день. Очень хорошо. Но первые два дня я грызла старый биаррицкий хлеб и таскала бутылки продавать. Из Италиі еще ничего нет — и еще писала по итальянски им. Сволочи! Ателие — такая гадость — будто ваш [Сутин⁴⁹] и я боюсь ко всему прикасаться до того все голо — не уютно и главное чорт подери становится чертовски холодно. Два дня еще ничего вот а вначале так вот — поверишь — вся дрожи[шь] — дрожишь. Я несусь под залог в библиотеку свои книги — а платить денег пока что нельзя — и без чтенья нельзя — просто не могу. Знаешь, хорошо было бы жить еще здесь вообще, на [замке] в огромной библиотеке, и потом все ездить и ездить — смотреть жизнь и свет — потом умереть — невинным, не приобщившись к жизни в смысле греха, плотского и всякого. [Нет] не смейся, Макс, и не думай что это глупо — нет — это повсей вероятности я выражаюсь не так как бы хотелось.

Прошу тебя очень — пиши мне чаще, если это не обременяет тебя, мои рисунки нравятся тут — но у меня то — у меня вызывают такое отвращеніе что я половину изодрала и отдала консьержке. И нехорошо в такую минуту жить, когда не веришь себе и теряешься и не видишь

48 Б. Фрезинский здесь дает сноску: «Статьи Волошина из цикла "Париж и война" печатались в "Биржевых ведомостях"; здесь речь идет о номерах за 7 или 17 августа по ст. ст.» [12, с. 167].

49 Имеется в виду неопрятность Сутина.

ничего осмысленного в этом [маранье] ибо все таки не познаешь себя — кто и что ты и что в тебе. Благ Цадка — который сам себя погоняет «работать нужно, о сколько еще сколько». И красный горячий — будто и горит в самом деле что-то в нем. Не боясь любит не любит. Наслаждается голый другими голыми — любуясь [ими] — полом всем всем, что меня совсем не зовет, не возбуждает. Что не хорошо ведь, я знаю. И на что я здесь, ей?

И это даже не интересно.

Ну, да я думаю ты уже ругаешься «дура». Не надо. Буду шляться, читать — и попробую не обращать вниманіе на щупальцы.

Так тебя крепко целую чтобы кричать начал. А на коленях то у тебя я частенько сиживаю — как устану физически и нравственно. Чорт — его — раздобрела як корова, а еще какая-то физическая, нравственная усталость. Глупо.

Ну да не серчай на меня. Привет твоим Церберам⁵⁰.

Пиши. Так отраднo.

Эренбург на днях приедет.

Твоя Маревна.

За деньги благодарю. Разочтемся при возможности. Все что говоришь — верно. О да. Будь здоров, милый.

6⁵¹

Дорогой друг. Получила твое письмо с пожеланіями и советами. Спасибо. Но как страшно слышать — «будь радостной» в чем и как и где.

Это так же невозможно как еслибы кто сказал сейчас — будь ребенком. Только дети еще могут быть в начале жизни своей радостными — но кто уже несет некотороя знанія, некотороя страданія недоуменія и — стремленія к лучшему — тот не может быть радостным Макс — что так отлично знаешь. Зачем же говоришь — когда я только криво улыбаюсь от таких слов. Разве здесь, в таких местах — и при таких людях и жизни можно радоваться искренно — чтобы не сделать больно другим и себе? [Нет нет].

И я уже [посерела] и потеряла краски — [побратые] душой там под солнцем — около моря — около гор. Здесь серые люди и жизнь

50 Вероятно, отсылка к Цетлиным.

51 Из Парижа в Биарриц около 28 августа (10 сентября) 1915 года. Дата дана согласно: [12, с. 167]. Впервые опубликовано с купюрами в: [12, с. 167].

серо-бурая. Кто здесь улыбается? Здесь хохочут, громко ржут люди — от нервной но нормальной жизни.

Как былобы хорошо — вечно ничего не знать и не стремиться ни к чему. И была бы радость только в жизни — красота — в людях подобных себе.

Скажи — нет? О, да Макс не разуверяй меня, я это так чувствую.

Вот мне почему все же и с тобой хорошо и с Цадкой иногда и с Эренбургом. Много еще хорошего [упускаю] во всех вас [на равне] со всем что отталкивает — это разум и большое человеческое недовольство — неудовлетворенность.

Я работаю — но мне совершенно не хочется ничего делать.

Я брожу под солнцем — с книгами но ни сидеть в библиотеках и музеях мне не хочется. Эти дни много яркаго солнца и я брежу давно виденными [югом]. Бедная моя маленькая жизнь. Все к чему я стремлюсь — такому [путанному] — но лучшему все это так далеко и так не возможно. А дни идут — и кто перенесет меня в лучшую жизнь — когда у самой меня нет сил таких — и если есть еще терпение — то надолголи хватит его еще.

У меня мало приятнаго все эти дни. Из Италии — поверишь — ли — еще ничего — и грешно тебе злорадствовать — помнишь ты пророчил — что ничего и не будет!

Но я все же надеюсь — и еще пошлю письмо — а за тем обращусь к Société des artistes français⁵² здесь. Не пропадать же мне только из за того — что у меня нет денег.

Жду с нетерпением твоих стихов и писем.

Пиши все, что хочешь. Разговаривай со мной больше но советуй меньше.

От Эренбурга ничего не слышно — но говорит Дилевский — что будет скоро здесь.

Целую тебя крепко на крепко родной Макс. Твоя Марева

Мне Люси — привет и скажи, что я скучаю.

Adios — caro amico. Ti voglio tanto bene⁵³.

52 Société des artistes français — Общество французских художников.

53 «Прощай дорогой друг, я тебе так сильно люблю» (итал.).

7⁵⁴

Дорогой милый Макс

Еле приволоклась домой и теперь очень страдаю еще. Пошла в Топ-Марше купить холст — и вдруг со мной стало дурно. Чорт знает что такое. Поднялся переполох — чем-то поили, давали [1 слово нрзб.] — потом понесли в автомобиль. Макс — мое тело страдает ужасно. И так больно — что за такую малую долю радости и наслаждени[я] — без утоления — всегда — теперь я должна лежать пластом как сейчас. Это началось. У меня никого нет около и я не знаю что надо делать и так бы и [лежала] до конца. Я начинаю [бредить] — что [1 слово нрзб.] я пока [1 слово нрзб.] писать дорогой друг. Спасибо тебе за стихи о да они мне очень понра[вились]

Вот слава Богу и лучше мне — я проспала [целые] [число нрзб.] часа. — Что? Еще нет и 7 ч а так темно у меня. Надо тащиться обедать а сил прямо и нет. Ну да как нибудь. Боюсь — что надо идти все же к доктору — швах.

Стихи — твои получ[ила] утром и привели меня в восторг глубокии.

А вчера — силели с Бор[исом] Вик[торовичем] у «Дома» и болтали — непременно прочту ему эти стихи. Он выглядит утомленным — хотя говорит что отдохнул. Сегодня пошел к Цейтлин[ым]. Я так и не была у них. Но написала письмо сегодня утром. Вообще я терпеть не могу этих благодарственных обязанных визитов — ты знаешь. И каждое письмо напоминаешь мне об этом. Тяжело.

Макс — ты обожди еще немного с деньгами если можешь — ты просто бес обиняков напиши когда тебе будут нужны они слышишь? Но сейчас я еще не могу тебе выслать 35 f. Прости друг.

Ты знаешь — что меня радует в твоих стихах, кроме глубока[го] правдиваго смысла — это такие Лерм[онтровские] [стихи] — я так ясно это почувствовала сегодня. Чтобы хорошо понять — я переписала одно и другое по моему.

И когда вчера мы говорили с Б[орисом] В[икторовичем] о Лерм[онтове] и о тебе — то он тоже высказал (я впервые это поняла) что у тебя есть эта напевность стиха как и у Л[ермонтова] Страшно но и радостно для меня тем больше еще. Ты сам знаешь, почему именно страшно для тебя это.

54 Из Парижа в Биарриц. На оборотной стороне л. 10 рукой Маревны указана дата: 20 сентября. Вероятно, это относится к последней части письма. Письмо датируется 6(19) сентября 1915 года в: [6, с. 381]. Впервые опубликовано с купюрами в: [12, с. 168].

Господи — я устала так и может допишу [потом] а? Прости пока.
Что это, что это болит так там внутри у меня.

20 сент.

Вчера опять было плохо. На улице — но не упала слава Богу — я все почти потерял[а] что называется здоровьем. Видно.

Ну, работаю — не много, больше — как-то сосредотачиваюсь внутрь.

Осень еще пока улыбается — хотя я уже кашляю — вообще — дрянь все.

Целую тебя много раз мой дорогой единственный друг. Пиши. Сегодня [наверное] увижу Б[ориса] В[икторовича]

Пиши — если любишь а то — я сержусь — Эренбург молчит!

8⁵⁵

23 —

Дорогой Макс. Много новостей конечно — газеты ты получаешь — и я не буду ничего говорить. Но буду очень рада если ты сам со мной поговоришь о том, что ты думаешь о событиях — прошу тебя.

Я себя лучше чувствую. — вчера вечером даже была с Б[орисом] В[икторовичем] у Цейтлиных: Ничего⁵⁶. Спрашивала М[ария] С[амойловна] когда ты думаешь вернуться — им бы очень хотелось тебя видеть скоро, а на мой вопрос, почему же она не поедет или не вызовет тебя — сказала — что не удобно. И еще говорили о том о сем, как напр[имер] о твоих рис[унках]. Кажется я была не очень почтительна. Прости. Эренбург — сейчас сидит рядом и дудит с Издебским об амнистии и д[ругом]. Б[орис] В[икторович] на меня произвел меньше впечатлен[и]е] чем раньше. Просто я холодна и избегаю даже его. Он говорит что я очень переменялась. А я радуюсь своей свободе.

Эренбург не ладит с Б[орисом] В[икторовичем] и я понимаю. Совсем все что так разное и так сложно. Я чувствую[ю] громадное тяжелое удовольствие[вие] видеть их вместе и слушать. Так жаль что тебя сейчас здесь нет. Сказать тебе — что Робшин⁵⁷ уже не волнует меня — как раньше.

55 10(23) сентября 1915 года. Из Парижа в Биарриц. Датируется по: [6, с. 381]. Впервые опубликовано почти без купюр в: [12, с. 168], где письмо датировано 19 сентября.

56 16(29) сентября 1915 года Савинков также сообщил Волошину о посещении Цейтлиных: «М[ария] Б[рониславовна] была со мной у Цейлинов. Молчала и очень скромно опускала глаза. [...] Было безмерно скучно» [2, с. 437–438].

11 (24 сентября) 1915 года Волошин в письме М. С. Цетлиной отрицал любовную связь с Маревной [2, с. 436], в ответ на что 27 сентября (10 октября) 1915 года Цетлина писала, что верит поэту и что Маревна ей понравилась [2, с. 438].

57 Ропшин — творческий псевдоним Савинкова.

И ты поймешь — конечно. Пиши много и много. Стихи твои не очень понравились им. Читал и Эр[енбург] свой эпилог к книге⁵⁸. Очень очень хороший. Роб. [Ропшин] то — же хвалит и мне только страшно — почему. Действительно ли он понимает и чувствует их оригинальную красоту и силу?

Квитанцию получила — и отдала деньги [Эр]. Который без одного су. Ты понимаешь? Как получит — пришлет. А книгу вышлю завтра — непременно. А теперь, дорогого друга обнимаю крепко на крепко. Пиши Максик и не забывай нас здесь, бедных детей. Твой Фокс⁵⁹!

Издебский и Дилевский и Ленивец⁶⁰ вам кланяются низко.

[На полях:] Б[орис] В[икторович] сегодня отсылает все свои статьи для книги в Россию⁶¹!. Просил придти меня Эренб[урга] и М^m Цетлин. Но мы не идем. Что-то не хочется.

9⁶²

Paris-Cafe.

Дорогой Макс,

Это верно, что я давно тебе не писала. Прости — я так редко пишу кому либо и это не оттого что забываю поистине о тебе. Наоборот — ты не знаешь как лежа у себя вечером и не умея закрыть глаз, как я мучительно стараюсь вызвать тебя на разговор с собой. Я так же, как когда-то, и теперь и с папой разговариваю — он не умер для меня — я знаю, а ты здесь — близко! Каждый раз и со мной и между нами, мной Ленивцем и Борисом В[икторовичем]

Кажется, что я не совсем связно говорю.

[На полях:] Присылай свои стихи.

Статья Б. В. мне не понравилась] какой-то идиот старый кубист не жизненен — и слишком выдуман⁶³.

Но я хорошо себя чувствую. И Эренбург наверное преувеличил — если обмолвился обо мне в писмах.

58 «Стихи о канунах» Эренбурга [12, с. 169].

59 Фоксик, Фокс — так в переписке с Волошиным Эренбург называл Маревну.

60 Прозвище И. Г. Эренбурга.

61 Сборник статей Савинкова «Во Франции во время войны» (М., 1916) [12, с. 169].

62 Из Парижа в Биарриц, 17(30) сентября 1915 года. Датировано согласно: [6, с. 381].

Впервые опубликовано с большими купюрами в: [12, с. 170–171].

63 Имеется в виду новелла Савинкова «Художник Брешиар» из цикла «Прекрасная Франция»; о ней 27 сентября (10 октября) также в негативном ключе писал Эренбург Волошину [12, с. 170].

Хандрашка есть — и это, только от неудовлетворения скучать — не скучаю но есть тоска, что хуже⁶⁴. Я еще никогда [кажется] так не жила — беззаботно и это было бы хорошо если бы не получалось неудовлетворения и пустоты вокруг. Тоска [обнимает] по ночам и я не могу спать и мучаюсь. Кажется что тогда-то и живу. А за день смотрю и слушаю лениво всех и каждого. Все неприязненны к друг другу — а я иногда всех [люблю] или всех не люблю — презираю.

Позавчера были у Б[ориса] В[икторовича] до 4 ч. Ночи. Ничего не было — было скучно. Под конец говорили о Боге. Я сказала вот что, и они смеялись. Почему мы в детстве (а особенно крестьяне) любили и верили в Бога, но только появляется сознательное отношение к жизни (может наоборот) появляются те или другие вопросы и запросы познания добра и зла — человек не удовлетворяется своей прежней верой и прежним богом детским и добрым. Но в поисках его — человек — увя, уходит все дальше и дальше, от него — когда иногда — снова наступает момент упования и веры — точно такой же как в детстве. Я хотела им сказать, именно, что чем меньше наивного, детски радостного в нас — тем тяжелее жизнь, тяжелее и таинственнее ее запросы, страшна и ненужна ни жизнь ни смерть.

А потом я сказала что если есть добрый, всезнающий и всепримлющий Бог — он подберет и мою душу — если я в усталости тела и души сама найду смерть свою: Ведь знает Он — почему у меня не хватило сил жить — не от малой веры — а от тоски от болезни тела.

Сказала о моем отце — что верю в Бога, если он взял душу больную, не подрезовал.

«Вы говорите, как ребенок, Маревна или вы спите» сказали оба.

64 Осенью 1915 года начался сложный период в жизни Маревны, что подтверждают письма Эренбурга и Волошина. Так, 1 (14) сентября Эренбург писал Волошину: «От Фокса получил скулящие открытки...» [11, с. 59], также в сентябре: «У Маревны день на день непохож — то бодр, то настоящая хворая тварь» (отсылка к одному из разделов «Стихов о канунах») [11, с. 62], 14 (27) сентября: «С Маревной очень тяжело...» [11, с. 63], а также см.: [11, с. 66–69, 70, 73–74; 2, с. 458–459]. Также в мемуарах Маревны рассказ о ее пребывании у Риверы и Беловой расположен после описания поездки в Эз (которая состоялась весной-летом 1916 года).

Друзья хотели отправить ее в Россию, но отъезд не состоялся. О чем известно из письма Эренбурга Савинкову от 17 (30) декабря 1915 года [11, с. 74]. Волошин даже сообщил об отъезде Маревны своей матери [2, с. 386].

С целью поддержать художницу Эренбург пригласил ее в Эз, где она пробыла с апреля/мая по середину (конец) июля 1916 года. Известны письма Эренбурга Волошину об этом, см.: [11, с. 71, 81–82]. Про творчество Маревны в этот период можно узнать из письма М.С. Цетлиной Волошину от 13(26) ноября 1916 г.: [12, с. 187].

Скажи же мне ты.

Тяжела будет жизнь с сознанием одиночества, без добраго Бога, без надежды на встречу с любимыми душами.

Я думаю, что смерть дана — на то что бы, как во временном разставании, полюбить еще больше, понять, отсутствующаго и подготовиться к встрече — не такой, земной — с боязнью и неловкостью душевной, а радостной и бесконечно любвиобильной. Не говори что, я не понимаю то что я говорю. Это будет так же больно, как когда Б[орис] В[икторович] сказал, что через 15 лет я буду толстой буржуйкой!

Это он [мне] в отместку сказал на то что я возмущаюсь, как он ходит по всяким министерствам и д. и давнишнему вопросу — почему если ему так тяжело нести крест не кончит с собой. Если, Бог должен будет взять такую душу, насильно живущую [из-за] Левика⁶⁵, то мой папа так же будет взят (такие люди) и именно иза «Манюши»⁶⁶ и др. Левиков —

Как для Б[ориса] В[икторовича] Левик сейчас — это все и жизнь и Бог в ней, так для моего папы была я все в жизни, пока была около. Но я была жестокая и ушла. И вот Бог заговорил со мной в первый раз. Он часто говорит, но я не часто могу услышать ясно Его голос в [сутолоке] в суете. Но я Люблю отца много больше — много [чище] и я жалкая и маленькая в этой любви.

Незнаю, понимаешь ли ты то главное, что все таки не могу выяснить ясно. А может я и не уясняю себя еще. Нет, нет.

Работаю совсем мало.

Мне даже нравится это состояние ничего не делания. Душа так напрягается, когда тело слабнет и мускулы висят как лоскутья.

Недавно, я видела сон.

Я должна была умереть.

Меня хотели сжечь за что-то — не знаю. Кажется ни за что — потому что у меня было ясное, сознание ненужности этой смерти. Люди ведшия на казнь — были безразличны и не торопливы. И я свободно, гуляя в толпе — искала что-то, что могло бы сделать осмысленной мою смерть, приговоренной, и последняя минуты мстью и ужасом для моих палачей.

65 Лев Борисович Савинков — сын Б. В. Савинкова.

66 Сама Маревна. Художница описала в мемуарах случай из ее детства, когда она застала собиравшегося застрелиться отца в кабинете, своим появлением она предотвратила его самоубийство. «...позднее, он сказал мне, что в тот день осознал, что обязан жить ради меня» [15, р. 10].

7. Диего Ривера. Портрет Маревны
Около 1915
Холст, масло. 145,7 × 112,7
Художественный институт, Чикаго

Я не знала — за что я должна быть убитой — и это такое было мучение Макс, с приближением момента казни — когда мне связывали руки — душа рвалась так сильно из тела с такой болью, я проснулась мокрая, тяжело дыша. Это был кошмар.

Страшно так ясно видать призрак своей жизни.

Впечатление было так живо, милый, утром, так страшно было снова начать жить после того, как уже испытала все муки жизни и смерти так ясно и живо. Но в моем сне не было ни Бога ни загробной жизни. Быть может оттого и было такое страдание. Были люди, много людей. Все вы.

Быть может все мои мучения, все недоумение, все слышанное выразилось в этом сне — быть может сон был вещью, знаком каким-то.

Прости что так много размазала. Ты [разобрал]. Мы начали мерзнуть — увы здесь окончательно солнце перестало улыбаться. Встает вопрос — тепл[ого] пальто для беднаг[о] Ленивца для меня у [1 слово нрзб.] и одеялов. Возвраща[сь] той ночью при дожде с Пасси в 4 ч. ночи я промо[чила] совсем свои ноги и лихорадила немного.

Целую тебя крепко, накрепко. Пиши чаще и содержательнее а то я ревную тебя к Эренбургу. Твоя Фокс — Маревна

10⁶⁷

Дорогушка Макс. Боюсь что ты расхворался тоже как и я. Я прямо таки безобразно поддалась гриппу. Ну а ты знаешь ангельскую доброту и терпение Ан[гелины] Мих[айловны] — но я боялась, что и тому придет конец — так меня замучила головная боль до капризов.

Заезжай как сможешь — я думаю что завтра смогу выбраться — хотя чувствую как курица. Плохо ты колдуешь. От таких несносных вещей

67 Ранее не опубликовано. Неизвестно, когда было написано письмо. Судя по содержанию, оно написано в те дни, когда заболевшую Маревну приютили у себя А. Белова и Д. Ривера. Тогда роман между Маревной и Риверой, согласно по мемуарам самой художницы, еще не начался. Судя по содержанию письма, Волошин еще был в Париже, значит, письмо написано не позже 26 марта (8 апреля) 1916 года, даты, когда Волошин уехал в Россию [6, с. 393].

В мемуарах Маревны рассказ о ее пребывании у Риверы и Беловой расположен после описания поездки в Эз (которая состоялась весной-летом 1916 года).

30 октября (12 ноября) 1916 года М. С. Цетлина с большим негодованием сообщила Волошину о начале романа Маревны и Риверы [2, с. 560]. Волошин откликнулся, порицая художницу: «Маревну мне всегда надрывающе жалко, не потому что она “беспомощный и чистый ребенок, а потому что в ней есть чистое”, которое гибнет беспомощно, и, конечно, погибнет совсем» [2, с. 558].

В августе 1917 года Эренбург написал Волошину: «Она (Маревна) в Париже, по-прежнему голодает, сидит в Ротонде и злится» [11, с. 86–87].

как грипп — не можешь упасти ни себя ни меня. Крепко накрепко тебя зацеловываю. Діего работает. Иногда заходит ко мне и указывая пальцем на меня говорит Анжелине: вот Маревна. Ужасно смешно — [4 слова зачеркнуты].

Хотела тебя попросить пока такое положеніе у меня — дай Лине 5 ф. для меня пригодится на всякую врачебную дрянь. Прости — это я между прочим — ведь пишу то не потому. Но мне неловко перед ними. Встану пойду продавать. Ну — вижу — что заняла много места — а написала плохо. Прощаюсь. Измучилась я [Макс]. Маревна.

[На полях:] Если не сможешь [при случае] приехать скоро — напиши голубчик — а то мне тоскливо, право же — как ты не понимаешь.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 7. Кн. 2. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания. М.: Эллис Лак, 2008.
2. Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 10. Письма 1913–1917. М.: Эллис Лак, 2011.
3. Воробьева-Стебельская М. Б. Моя жизнь с художниками «Улья». М.: Искусство-XXI век, 2004.
4. Воспоминания о Максимилиане Волошине. М.: Советский писатель, 1990.
5. Гредасова К. А. «Дорогой Илья...» Письма Маревны И. Г. Эренбургу 1946–1962 годов // Новое искусствознание. 2023. № 1. С. 12–32.
6. Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества, 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.
7. Маревна. Каталог выставки в Гос. Третьяков. галерее. М.: Искусство XXI век, 2004.
8. Попов В. Л. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). Т. 1: 1891–1923. СПб.: Издательский отдел Библиотеки Российской академии наук, 1993.
9. Шалит Ш. «Россия далекая, образ твой помню...» // Музей русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных. Каталог. Рамат Ган: [Б. и.], 2003. С. 113–116.
10. Эренбург И. Г. Люди. Годы. Жизнь. Т. 1. Кн. 1–3. М.: Советский писатель, 1990.

11. Эренбург И. Г. Письма, 1908–1967. Т. 1. Дай оглянуться... Письма. 1908–1930. М.: Аграф, 2004.
12. Фрезинский Б., Зубарев Д. Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) // Звезда. 1996. № 2. С. 157–202.
13. *Marevna*. Mémoires d'une nomade. Paris: Encre, 1979.
14. *Marevna*. Paintings and Works on Paper, 1915–1975. Exhibition catalogue. London: England&Co, 1989.
15. *Vorobev M. Life in Two Worlds: A True Chronicle of the Origins of Montparnasse*. London: Abelard-Schuman. 1962.